

Анастасия Маскевич
АНАСТАСИЯ

*Микроистория личности не менее интересна,
чем цепь глобальных событий.*

Анастасия Маскевич

Анастасия

«Издательские решения»

Маскевич А.

Анастасия / А. Маскевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933281-3

Первая книга казахстанской писательницы, основанная на реальных событиях истории её семьи. Роман повествует об истории, произошедшей в начале XX века в одной из многочисленных малороссийских деревушек. На фоне нелегкой судьбы простой ключницы весь колорит описанных образов и деталей обретает особый смысл, точно переданный в одной цитате: «... история отдельной личности порой оказывается не менее интересной, чем цепь глобальных событий».

ISBN 978-5-44-933281-3

© Маскевич А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	11
ГЛАВА III	13
ГЛАВА IV	18
ГЛАВА V	22
ГЛАВА VI	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анастасия

Анастасия Маскевич

Посвящается моему дедушке Л. Т. Маскевичу

© Анастасия Маскевич, 2019

ISBN 978-5-4493-3281-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Сейчас дедушка редко выбирается за пределы родного дома, но этим летом я попросила его сходить со мной на кладбище. Оно существует чуть меньше века и некоторые захоронения «старой части» этого кладбища заметно просели, другие – вросли в огромные стволы крепких деревьев. С детства дедушке запомнилось, что его отец, Тимофей, обносил одну из могил низеньким деревянным заборчиком. Мы полчаса петляли среди всего, пугая ворон, которые отвыкли от людского общества. Мы забрели, казалось, в самые дебри, прежде чем я увидела, как деда остановился перед той самой могилкой. Посеревший деревянный крест, такое же ограждение (удивительно, что они уцелели), а в середине прикреплена алюминиевая табличка без фотографии, на которой синей краской печатными буквами выведено «ЯСИНСКАЯ НАСТАСЯ (1892—1963)».

Это было своеобразным воплощением той легенды, которую я слышала уже много раз. Настася приходилась моему дедушке родной бабушкой, и ему историю бабушки тоже рассказывали много раз, но у него, как и у меня, всегда было еще много вопросов. Чтобы разузнать побольше о популярной семейной легенде, я расспрашивала всех братьев и сестер дедушки, дедушка был младшим в семье и мог чего-то не знать. Ни о дневнике, ни о записках я и мечтать не могла, Настася так и не научилась ни читать, ни писать до конца жизни, как и ее дети, – они были обычными крестьянами. Существовала лишь одна фотография, где изображено собрание мужчин, среди которых был сам пан Ян Маскевич.

И вот однажды, когда я в очередной раз отдыхала у деда и бабушки в деревне, мне крупно повезло. Было воскресенье, в этот день в костёле служится месса, так как большинство населения – католики. Костёл представляет собой снаружи обычный одноэтажный домик, обустроенный местными верующими. Приезжает ксёндз из столицы и служит мессу. Так вот, в этот день присутствовала одна из старейших жительниц села Прасевич Янина, которой уже было 89 лет. Хорошая старушка, активная для своих лет. На пути домой Янина и моя бабушка всегда что-то обсуждали. И в тот день бабушка упомянула, что я собираю информацию о прапрабабушке Анастасии. Янина загадочно улыбнулась и пригласила нас на чай. Её дом был в двух улицах от нашего, и жила она со своей дочкой. Старушка усадила нас и объявила, что её мать были хорошими подружками с моей прапрабабушкой. И она кое-что знает, потому что как-то во время бурной молодости Яна сильно влюбилась в одного парня, а мать не доверяла ему и рассказала ей историю Настаси, чтобы предостеречь и защитить. Янина и поведала нам события, случившиеся весной 1908 года.

ГЛАВА I

«Любовь по самой своей сути – демократка, она смеется над вашими надуманными теориями о социальном неравенстве»

М. Рид «Всадник без головы»

– Эй, чего ты замечталась? Иди скорей, открой мне сундук, – крикнула панова жена Берта своей ключнице, указав пальцем на большой прямоугольный красный ящик с крышкой на медных петлях. На лбу у неё уже виднелась глубокая складка, когда она повернулась к служанке.

– Извините, пани, – быстро выговорила Настася на родном суржике¹, найдя в связке заржавевших ключей нужный. Настасей её ласково называла бабушка, при рождении же её нарекли Анастасией, но родителям больно понравилось прозвище, данное бабушкой, так с тех пор и закрепилось. Она совсем недавно стала домоправительницей в доме пана Маскевича. Настася была довольна хороша собой и юна, ей было только шестнадцать. Но её мать рано умерла, и совсем молодой девушке пришлось принять все обязанности на себя. В этом доме Настася родилась, поэтому и пановья семья не стала искать ей замену, а вместо этого наняла в служанки и даже назначила небольшое жалование пятьдесят рублей в год. Ей доверяли, потому что она росла искренним и добрым ребёнком. К тому же, Настася знала весь дом вдоль и поперёк: они с маленьким паном Яном часто играли вместе в догонялки, прятки или салки.

– Неси это блюдо в кухарню, – повелела Берта. Настася знала, что намечается какой-то званый ужин, она схватила расписную посуду и побежала скорей разузнать о предстоящем у кухарки.

На кухне парило, все были заняты делом – готовились к обеду. Кухарка, её звали Марыней, была женщиной степенной с сильными плечами и добрым лицом. Она очень любила Настасю, часто заменяла ей мать: расспрашивала её о делах, давала советы, а иногда даже запрещала идти гулять поздними прохладными вечерами. Она очень любила поболтать. Марыня слышала от конюха, который слышал от кучера, который подвозил будущего гостя пана, что семья Пилсудских приглашена на праздник Вознесения Господня. Пока она тараторила, Настася призадумалась, где она уже слышала эту фамилию. Но не успела она вспомнить, как Марыня спросила её:

– Ты ведь помнишь этих Пилсудских, которые в Барановке соседней живут? О, подай-ка мне скалку.

– Не совсем, – отводя глаза в поисках скалки, ответила ключница.

– Да ты что ж, – возмутилась кухарка. – А, да ты мала совсем была. Приезжали они со своей дочкой, миленька такая, шо глаз не отвести. Пан наш с Пилсудским давно знаком, соседями были. Они тогда наклюкались и все обещались женить деток своих, – закончила Марыня и рассмеялась, вспоминая тот веселый вечер, когда она была помоложе.

– Да, наверно, слишком мала, не помню, – резко ответила Настася и вышла из кухни. Ей почему-то захотелось поболтать с Яном, и она направилась в его покои, чтобы заодно немного там прибраться.

В обязанности матери Настаси входило приглядывать и за маленьким Яном. На его долю выпало много сказок и колыбельных, которые довелось слушать и Настасе. Когда мальчик подрос, для него наняли домашнего учителя. Тогда и наша маленькая ключница получала свои первые знания, пока её мать была занята работой по дому. Так она научилась и петь, и танцевать у учителей её друга. А Ян рос очень добрым и красивым мальчиком, играя с Настасей, он

---

¹ Суржик – разговорный язык, включающий элементы украинского, польского и русского языков, распространённый на территории Украины.

познакомился и с другими детьми Разумовки. Он никогда не задира нос, хоть и почти все его друзья были детьми крестьян и ремесленников. За это его любили и уважали, но в то же время все же побаивались, как панского сына. В двенадцать лет Яна отправили в Житомирскую польскую гимназию, где он проучился целых шесть лет. Совсем недавно, после своего восемнадцатого дня рождения, он вернулся домой. Целыми днями он продолжал читать, навещать старых друзей, охотиться, рыбачить, часто посещал гуляния молодежи, но большую часть времени спал. В общем, вёл обычную светскую жизнь молодого человека в провинции. Сейчас они с Настасей уже не были так близки, как в детстве, все изменилось.

Шел двенадцатый час, солнце пекло по-весеннему. Настася вспомнила, что обещала помочь старому садовнику и отказалась от болтовни с панским сыном. «Тем более, – подумала она, – он, скорее всего, ещё не просыпался». Она выбежала со стороны кухни, шурша своим простеньким платьем, побежала по широкой тропинке, ведущей в сад, и скоро скрылась в зарослях ветвистых яблонь. Нужно было побелить яблони, что делалось ежегодно. Стволы деревьев покрывали раствором, чтобы защитить яблоньки от вредоносных насекомых. Сад был, может быть, единственным, что осталось у панской семьи после продажи и раздачи земель, им очень гордились и заботились о его сохранности. Пан Маскевич гордился этими двумя акрами земли. Каждый год в конце лета садовник и вся прислуга набирали по несколько огромных плетенных корзин урожая этих красновато-желтых, будто сказочных, плодов. Этот яблоневый сад посадил отец пана, как только переехал в разумовское имение. За садом открывался прекрасный вид на поля и виднеющуюся вдалеке реку, берега которой еще были кое-где покрыты спрятавшимися серыми одеяльцами нерастаившего снега. С побелкой справились довольно быстро, она вместе с старичком-садовником, а потом каждый зашел выполнять остальные свои обязанности.

День обычно пролетал незаметно. Казалось, ты только встал, позавтракал, переделал пару поручений и уже солнце спешит скрыться на горизонте.

К вечеру, когда хозяева разошлись по спальням, – а ложились они рано, часу в седьмом-восьмом, – к Настасе забежала её подруга Ада – черноволосая и черноокая красавица девятнадцати-двадцати лет:

– Настась, идём к реке, сегодня именины сына кузнеца Андрия, я одна боюсь, но очень-очень хочу.

– Чего это ты так очень-очень хочешь туда?

– Да ничего, весело же будет, знаешь ведь, там всё село будет. Пойдёшь?

– Пока мне правды не скажешь, не пойду.

– Не беньждь такёй марудой²! Ты знаешь, что Андрий сам меня пригласил, – возмутилась подруга, перекинув свою длинную косу на другое плечо размашистым движением всего тела.

– Ну добре, добре³, – рассмеялась Настася, когда увидела надутые губы и нахмуренные брови подруги, так она всегда казалась очень смешной.

Уже было темно, девушки накинули платки и побежали к Жаберке, так называлась местная река. Когда они прибежали, то празднование уже было в полном разгаре: кто-то прыгал через костер, кто-то – в воду, кого-то в воду бросали без его желания, а кто-то пил и танцевал. Настася не то, чтобы любила изрядно повеселиться, ей нравилось ощущение общего праздника, витавшего в воздухе на таких вечерах⁴. Праздника, который не будет длиться вечно, но который заряжает энергией, дает сил справиться с бытом.

Под звуки гармоники подруги проворно нырнули в хоровод и оказались в середине (оттуда все должны были выходить по парам, образуя ручеек). Когда пары уже начали расхо-

² Не будь такой занудой (польск.)

³ Ну, хорошо, хорошо (укр.)

⁴ вечерах (укр.)

даться в колею, Настася быстро закрутила головой по сторонам в поисках кого-нибудь подходящего. Но парень сам подхватил ее за руку и повел вперед. Повернувшись, она узнала Яна и весело ему улыбнулась, он ответил ей такой же широкой и светлой улыбкой. Следом за ними шли Андрий и Ада, а дальше лучший друг Андрия Аполлинарий, который тоже с детства был знаком с Настасьей и Яном. Его называли просто Полюш. Там было еще несколько пар, и хоро-вод оказался широким. Такой компанией они станцевали еще раза два, а затем танцующих пар становилось все меньше, а поющих – все больше.

– Як це маш?⁵ – спросил Ян Настасю, когда они уже сидели у берега, вдоволь натанцевавшись.

– Помимо того, что ты видишь, ничего, – легко ответила Настася, опершись обеими руками о землю и подняв голову.

– Мне жаль твою мать, она была очень добрая, – решил упомянуть об этом печальном событии Ян, он вдруг вспомнил, что еще не выражал своих соболезнований.

– Спасибо, да... очень добрая, – задумчиво ответила она, бросая камешки в воду.

А Ян вытянулся на траве, зажав ковыль между зубов. Настася наконец вспомнила, что из приличия надо бы осведомиться, как дела и у собеседника и быстро протараторила:

– А ты, как дела, как в гимназии? Ты ведь совсем недавно вернулся.

– От этих знаний только голова тяжелее стала, – улыбаясь, сказал он.

Настася засмеялась в ответ и повернулась к нему лицом, совсем избавившись от наплыва грусти, который появлялся всегда, когда речь заходила о ее маме:

– Это все, что ты успел понять за столько лет? – с иронией спросила она.

– Нет, – резко сев, как достойный выпускник гимназии, он с выражением продолжил, – еще «in vino veritas»⁶ и «errare humanum est»⁷. – проговаривая это, он поднял указательный и с видом знатока смотрел на подругу.

Настася даже приоткрыла рот от произнесенных иностранных изречений, они очень впечатляли ее, как будто перед ней был какой-нибудь философ, но Ян залился смехом и снова упал на землю.

– Это что еще значит, балагур ты такой? – обиженно спросила она.

– Хочешь дам тебе почитать что-нибудь? – вместо ответа и, как бы извиняясь, мягко произнес Ян.

– Я давно не читала, с тех пор, как ты уехал. Мне будет сложно вспоминать. Да и времени у меня не так много, как у тебя. Лучше ты читай мне временами, а?

– Для чего не?⁸ Договорились, – и они пожали руки, как в детстве, когда поспорили о том, кто быстрее добежит до хутора.

Тогда они рванули, но Настася споткнулась о какой-то камень, не пробежав и полметра, и разбила коленку и локти. Ян не стал над ней смеяться, как другие, а принес ей подорожник. Так они и не выяснили, кто был быстрее. Зато они выяснили, что Настя хоть и была активным ребенком, но вот удачливой и проворной ее вряд ли кто-то мог назвать.

Они замолчали, невольно прислушиваясь к стрекоту цикад. Так прошло несколько минут, но Настася нарушила это умиротворение. Спohватившись, что перед ней сын пана, она вскочила на ноги и решила спросить: «А ты что здесь, с нами?» Ян только снова рассмеялся и предложил идти домой. Вечер выдался холодным, так что долго пробыть на всеобщем веселии не удалось, да и другие рано ушли в избу, к одной вдове, которой заплатили, чтобы продолжить праздник.

---

⁵ Как дела? (польск.)

⁶ «истина в вине» (лат.)

⁷ «человеку свойственно ошибаться» (лат.)

⁸ Почему нет? (польск.)

– Мне скучно здесь, друзья все в городе, наверно, придется тоже уехать скоро, – задумчиво произнес пан, когда они шли к усадьбе.

Настася засуетилась.

– Но тебе ведь завтра гостей встречать, надеюсь потерпишь – не уедешь? – только и нашла что ответить ключница, расспрашивать о действительно беспокоящим ее она не умела.

– Ну нет, это тебе их встречать, – снова подшутил над ней пан. Он был в хорошем расположении духа, ведь был молод, хотя уже не так беззаботен.

Этой ночью Настя спала спокойно. Не было еще времени, чтобы что-то тревожило ее девичье сердечко. Только каждую ночь за окном до нее доносилось урчание голубей, клюющих с кормушки снаружи хлебные крошки, которые она оставляла. И никогда еще она не разбиралась в своих чувствах: она просто жила душевными порывами, как всякий простой и открытый человек. В вечерней молитве она попросила как обычно, чтобы маме и папе было хорошо там, на небе, и, вспоминая сегодняшний вечер, решила еще попросить за Яна. «Дай, боженька милостивый, ему здоровья и всего хорошего, что он пожелает». Перед глазами у нее возник образ улыбающегося Яна и что-то шевельнулось в душе, но Настася только улыбнулась в ответ миру, он всегда так улыбался при виде нее.

ГЛАВА II

Настася всегда вставала спозаранку, во сколько бы не ложилась. Ее будили звонкие трели соловья или скворца, вивших гнезда на соседнем дереве каждой весной. Но сегодня, проснувшись также рано, она сладко потянулась и совсем не захотела вставать, ей вспомнился вчерашний вечер. Ей много всего нужно было сделать: и продукты кухарке принести, и слуг собрать, задания раздать, хозяев разбудить, поручения их утренние выполнить. И это только за утро. Обычно она находила время между всем этим поесть самой. Марыня готовила отличные каши или похлебки для всей прислуги.

А уж увидеть рассвет в родной Разумовке дорогого для нее стоило. Деревушка эта располагалась в Волынской губернии. Раньше ей владели пановья Маскевичи, но сейчас почти вся земля была распродана под отдельные владения, большая половина, конечно, отдана была крестьянам.

Поднимаясь ни свет ни заря, Настася давно привыкла к утренней прохладе, иногда даже ходила утром искупаться в речке Жаберке. Но чаще просто просыпалась и долго смотрела на виднеющийся аловато-фиалковый рассвет через открытое окно, перед которым же она молилась каждый вечер в свете луны и звезд, когда он превращался в темно тлеющее небо. Жила она в маленькой, но уютной комнатке на втором этаже, рядом с пановними опочивальнями. Стены были оклеены обоями горохового цвета, но очень давно обновлялись и уже успели посереть. Над кроватью висел карандашный портрет ее отца и матери, который был нарисован одним деревенским художником на заказ очень давно, в пору родительской молодости. Простая деревянная кровать стояла в углу, изголовьем упираясь в подоконник, на котором лежал молитвенник и четки из коричневых стеклянных бусин. В соседнем от окна углу располагался небольшой желтый комод, который когда-то стоял у пани Берты в комнате, но был заменен более новым. В комнате еще был табурет, а рядом эмалированный тазичек и кувшин с водой. Это все, что было из мебели в комнате нашей маленькой ключницы. Остальные комнаты для малочисленной прислуги располагались на первом этаже. В этой усадьбе никогда не было огромного количества дворовых. Гостей встречали сами хозяева, панья же, в основном, следила за расходами и доходами. Вся прислуга состояла из трех служанок, одна из которых была главной (у нее хранилось большинство ключей), кухарки, садовника и конюха. Которые держались своего места, потому что панство здесь было снисходительным. И жила Настася в комнате одна с тех пор, как не стало матери. Отец ее был военным и погиб в одном из походов, когда ей было совсем мало лет.

Одно воспоминание, связанное с отцом, сохранилось у нее в памяти: он в военной форме и блестящих черных сапогах ясным летним днем стоит у деревянных ворот, щурясь от солнца, а мать подводит маленькую дочурку за ручку, прячущуюся в складках маминого платья; отец подхватывает ее на руки и кружит, а малютка не боится совсем, заливаясь смехом. Еще Настя помнила, что мама часто рассказывала о своей родной деревне, откуда она и ее муж были родом. Там они жили у родителей мужа, простодушных ремесленников, ценивших спокойствие в родном доме и зарабатывавших на жизнь изготовлением посуды. Спустя пару лет ожиданий мужа мать, отчаявшись, нанялась в соседнее село к пану в служанки и уехала, распрощавшись со всеми, не желая быть для родственников мужа обузой. А позже стала и ключницей: невозможно было не доверять такой верной и исполнительной женщине. Старики с тех пор, наверно, давно померли. Невесть что произошло с их избой. Ее же родственники были из бывших крепостных и, выкупив кое-как землю у помещика, стали работать на ней, выращивая овощи, которые обеспечивали им пропитание.

А Настася была молода, и, хоть ей и доверили все материнские обязанности, среди другой домашней прислуги ее слово еще не приобрело особый вес. Марыня ее любила, потому что

нянчила с пеленок, а еще две служанки – недавно нанятые взрослые женщины – всегда разговаривали с ней покровительственным тоном. Они были сестрами, но совершенно не похожими друг на друга: одна рыжая с веснушками, а другая черноволосая и смуглая. Но Настася не обращала на их отношение особого внимания, в основном, она выполняла личные поручения Берты или пана сама, не обращаясь к ним за помощью без крайней необходимости.

С приездом гостей прибавлялось дел, как и сейчас. Нужно было подготовить комнаты, вынести матрасы, вымыть все полы, принести новых цветов. И Настася вместе со служанкой занимались этим, пока третья подавала завтрак пановьям и выполняла их поручения. Настасье приходилось бегать с подушками и одеялами, которые она приносила из кладовой (ключи были только у нее), их необходимо было проветрить, освежить, как и все остальное постельное белье. К концу дня все платья служанок были такими пыльными, что приходилось еще и заботиться о чистоте своего наряда.

После обеда Берта заметила, что клумбы перед домом совсем сухие, дорожки недостаточно метённые, а на балконе оттаявшая грязь. Весь день Берта замечала всякие мелочи, которые щепетильной хозяйке усадьбы совсем не нравились, и бедные служанки бегали, не имея возможности присесть и отдышаться.

– Видно, уж очень дорогие гости к нам пожалуют, раз нас так не жалеют, – ехидно заметила рыжая служанка.

– У них все гости дорогие, а мы не железные, – буркнула ей в ответ сестра и продолжила начищать пол.

Вечером после ужина Настася сама побежала к Аде в село. Вчера они разминулись и даже не успели ничего обсудить.

– Ах, ты! Куда делась вчера⁹? – весело встретила ее подруга.

– Я потеряла тебя, затанцевали нас, – поспешно ответила она, и обе рассмеялись.

– Пошли в предбаннике посидим, а то все спать собираются. Ну и что ты задумала? – обратилась заискивающе Ада к подруге.

– Я-то? А! Орехов же тебе принесла, забыла совсем, – потянувшись в карман, ответила Настася.

– Дурёха, сына пана окрутить вздумала? – уточнила Ада.

– Что ты? Куда мне до него, ему здесь видите ли скучно, сам сказал, – оправдываясь ответила Настя. – А где ты была? Я тебя не нашла после хороводов.

Не успела Настася договорить, как Ада уже начала ей захлеб пересказывать, как ей было весело, как они с Андрием в салочки играли. Как потом он ей в любви клялся и замуж звал, поделилась, что раздумывает согласиться. Но дадут ли родители благословения, Ада не была уверена: он не в ладах с ее родней. Настя утешила подругу, сказав, что настоящая любовь все перетерпит (она прочла это в какой-то книге, и ей очень запомнилась эта фраза).

Попрощавшись, подруги договорились встретиться завтра на мессе, если удастся.

---

⁹ вчера (укр.)

ГЛАВА III

На следующий день за завтраком пан прочел молитву в честь праздника вознесения, и все принялись за еду.

– А где Ян? – спросил отец, разрезая кусок мяса.

– Не вьем¹⁰. – отозвалась жена, которая очень не любила болтать за столом.

– Спит?

– Може.

– Настась, позови пана-засоню, – распорядилась Берта.

Настася еще сонная побежала наверх, но в комнате Яна никого не было. А когда она вернулась, увидела его только что входящим в столовую.

– Пшепрашам¹¹, мне сегодня очень уж не спалось, решил поохотиться. Разрешите присоединиться к вашей трапезе? – тут же заявил Ян.

– Руки вымой хоть и пожалуй, – ответила сыну Берта, расстроившись, что он не дал ей начать разговор расспросами первой.

– Ты добре себя чувствуешь? – спросила она Яна, когда тот уже сидел за столом.

Берта заметила, что он немного помят. Это выразалось его в тяжелых потемневших веках и упавших уголках губ, он сидел чуть ссутулившись будто не хотел показывать, что что-то не так.

– Як бык, мамо, – отламывая кусок хлеба, быстро ответил он.

Настася тоже мало спала, слишком засиделась вчера у Ады. Разливая чай, она случайно наступила на подол платья сидящей Берты, и та, нахмурившись, спросила:

– Чего ты Настька сегодня такая растерянная, влюбилась что ли?

– Пшепрашам, пани, – тут же затараторила ключница, ей становилось не по себе, когда пановья злились и уж тем более хмурились.

– Теперь платье придется переодевать, поможешь мне!

Настася покорно кивнула и ушла на кухню. Хозяева надеялись, что таких мелких неуклюжестей с опытом станет меньше. Ее мать, как работницу, они очень ценили. Поэтому пока молодой ключнице прощали пришитые неправильно пуговицы, забытые в клумбе лопатки или черное пятнышко от угля на ее лице.

После завтрака семья Маскевичей в полном составе отправилась в костёл¹². Колокола уже звонили, когда они подъезжали, возвещая о скором начале праздничной мессы. Они вошли внутрь, людей было много, алтарь блестел и переливался, отражая кое-где свет зажжённых свечей. Маленький краснокирпичный костел с белоснежными потолками и высокими колоннами того же цвета вместил сегодня всех верующих католиков. Маскевичи встали слева от алтаря на второй лавке, напротив иконы девы Марии. Под ногами у многих лежали тонкие разноцветные подушечки, чтобы не мучать колени холодным каменным полом во время молитвы.

Когда месса началась, о чем возвестили густые аккорды органа, доносившиеся со второго этажа, все поднялись. Ян повернулся лицом к процессии священнослужителей, которые в своих парадных рясах должны были пройти прямо к алтарю между левым и правым рядами. Но прежде он заметил знакомую шаль и светлое платье, которое блистало солнечными бликами, а потом и увидел лицо Настаси.

Она стояла с серьезным выражением лица и смотрела вперед, рассматривая висевшую перед ней икону и размышляя о чем-то. У него было время рассмотреть ее, пока она еще

---

¹⁰ Не знаю (польск.)

¹¹ Извините (польск.)

¹² церковь (польск.)

не заметила его невольного пристального взгляда. Он очень хорошо знал ее, та маленькая девочка с каштановыми волосами и ясными зелеными глазами всегда была в его памяти и вызывала тепло в сердце. Но сейчас он видел перед собой другого человека: красивая девушка, к все таким же глазам и волосам которой прибавились точенный профиль, густые темные брови и выдающиеся губы на фоне маленького подбородка, вызывала не просто тепло. Яну показалось, что в храме душно, после того, как до него донесся дым от кадилных трав.

Настя все-таки почувствовала взгляд пана и через секунду повернула голову. Их взгляды встретились, и это их не смутило, они уже не стеснялись смотреть друг другу в глаза, ведь были старыми друзьями. Но что-то в выражении глаз Яна заставило девушку опустить глаза вниз, ей показалось, что она даже покраснелась. С Яном произошло то же самое. После этого до конца мессы они старались не смотреть друг на друга, безуспешно пытаясь уловить смысл чтений, псалмов и проповеди.

После обеда прибыли долгожданные гости. День стоял немного облачный, легкий ветерок шевелил только расцветшие деревья. Все вышли их встречать. Первым из экипажа, запряженного тройкой, с фамильным гербом Пилсудских на двери (желтоперая утка и липа) вышел сам отец семейства в своем сверкающем костюме и с тростью, которая была увенчала платиновым набалдашником.

Он подал руку сначала жене, потом дочери, не пользуясь помощью слуг, так пан проявлял заботу и считал, что производит должное впечатление. Хотя это было ни к чему, во всех местах, куда навевались члены этой семьи, они уже имели определенную репутацию.

Глава семьи пан Пилсудский был очень уважаем благодаря высокой должности, занимаемой им, но настоящим другом мало кто мог его назвать. После того, как он был замешан в нескольких неоднозначных историях, его стали опасаться. Однако в университете он слыл за весельчака. Поговаривали, что он шпион, из-за связи с одной гастролирующей актрисой-французенкой. Отсюда можно было сделать вывод, что его жена Ангелика довольно свободных взглядов. Но это было не так, воспитанная в одном лучших пансионеров России, она чтит семейно-сословные ценности разве что не выше короля.

Она во всем обвиняла завистников, распускающих сплетни о ее дорогом муже. Так ей было удобней. У нее не было другого выбора оставаться добропорядочной светской дамой. О их дочери Марте мало ходило мнений, говорили только, что она симпатична и образованна, как и о любой дочери почтеннейшего панства. Ей было около 16—17 лет. Как и любая панская дочь, она посещала все балы, устраиваемые в губернии.

Настася, увидев Марту в ее повседневном розовом струящемся платье с коротким рукавом и белых перчаточках, вспомнила слова Марыни про сговор женить детей, и еще о том, что она очень хорошенькая. Бунтовство чувств, конечно, не было ей присуще. Она чаще мирилась с судьбой, проглатывая обиду, если это касалось только ее лично. Но она всегда была готова прийти на помощь другим, даже неблизким знакомым. И сейчас, когда в голове у нее мелькнула мысль «от чего я не дочка шляхтича», она отогнала ее от себя своими повседневными заботами.

А Ян, стоявший на террасе рядом с перилами, вспомнил тот момент, когда возвратился из гимназии. Еще только приближаясь к родным местам, он ощущал такой трепет, и его сердце учащенно билось. Тарантас вез его через знакомые и любимые с детства поля и леса. Наконец вдалеке показалась родительская усадьба. Дымы от печных труб сельских мазанок поднимались в небо и неспешно плыли, сливаясь с облаками. Вспомнилось и, как его встречали родители и слуги, а светлый фасад дома слепил его.

Мама обняла его при встрече, а он не удержался, чтобы поцеловать ее в покрытый морщинками уголок глаза. Он и отца крепко обнял и только потом пожал ему руку. Но Настася его не встречала, она служила в тот день мессу за упокой своей матушки.

Они рады были видеть друг друга в последующие дни, но собственные горести и радости занимали их больше. Поэтому они не придавали персонам друг друга большого значения, хотя в детстве были совсем неразлучны. Теперь они считали себя взрослыми, свободными от детских привязанностей. День возвращения домой запомнился ему еще и радостным ощущением окружения родных стен, Ян крепко уснул тогда на знакомой постельке, под теплым одеяльцем.

Гости грациозно двигались ко входу. Женщины, поздоровались, расхвалили платья, шляпки, зонтики и украшения друг друга, красоту дочери Пилсудских выделили отдельно, как того требовали правила приличия; а мужчины не могли не упомянуть о холёности Яна и доброте своих животов (конечно, вдали от нежного женского слуха). Марта и вправду была хороша, а Ян холен, но об этом нужно было обязательно упомянуть горделивым родителям.

Ян поцеловал руку Марты, та скромно поклонилась. Красота девиц не впечатляла его, можно сказать, что он был ею избалован. Его окружало много симпатичных девушек и парней. И он ждал момента, когда можно будет поддержать диалог с пановой дочкой и узнать, чего она стоит. Пилсудских ввели в дом и усадили в удобные кресла и диваны в просторной гостиной у неразведенного камина. Комната была недурно меблирована, для этой цели нанимали специального человека из Киева. Все детали подходили друг другу по цвету, благородный желтый был взят за основу.

Маскевичи и Пилсудские не виделись долгое время, Пилсудскому досталось имение в соседнем местечке от бездетного дядюшки, куда он и переехал, уже будучи женатым. А через год у них родилась дочка. Выходило, что Марта была на год младше Яна. Раз они приезжали в Разумовку на юбилей пана, с тех пор каждый был занят своими делами. Снова двух старых друзей свел случай: оба – польские помещики, оказались на одном из аукционов по распродаже имущества разорившегося землевладельца в соседней губернии. Обоим больше 50-ти лет, и они давно могли бы выйти в отставку, но еще находили в себе силы работать.

До отмены крепостного права их семьи считались крупными помещичьими, но после 1863 года, когда российское правительство решило осуществлять реформу в пользу крестьян, им пришлось туго. Но это было давно, сейчас в гостиной огромной усадьбы сидели два успешных и уважаемых в губернии человека. Тем более, что владение землей было довольно прибыльным, если вести дела с умом. Поэтому им было, что обсудить, о чем расспросить друг друга. Правда, между ними была кое-какая разница, Пилсудский ставил себя на порядок выше своего собрата, потому что был чистым поляком, когда же матерью пана Маскевича была русская княжна. Он был очень близок с матерью, поэтому мог изъясняться на чистейшем литературном русском языке, эту же способность перенял у него и сын.

Пани Берта и пани Ангелика также были дружны между собой, сейчас они щебетали не умолкая, к их разговору присоединилась и Марта, после того, как Ян оставил ее, сказав, что должен помочь другу. На самом деле он зашел в свою комнату за книгой и ушел читать в сад, потому что быстро утомлялся от светских разговоров, а иных такая приличная девушка как Марта не могла себе позволить с малознакомым парнем. Она все лепетала что-то о музыке, ее жанрах, несмотря на то, что Ян пытался перевести тему в сторону науки или философии. А диалог старых помещиков показался ему еще скучнее.

Так подошло время к ужину. Добрый стол состоял сегодня из жареной голонки и томатного супа, на столе также были разнообразные закуски из овощей. Ужин подавался к определенному времени, поэтому Ян вернулся и разделил трапезу со всеми. Мать украдкой упрекнула его в невнимании к гостям, и он, чувствуя вину перед родителями, весь вечер был невероятно обаятелен. Делился своими историями гимназисткой поры и даже умудрялся невинно подшучивать над пановьями. Он не знал об уговоре родителей, а если бы и знал, то не воспринимал бы его всерьез. Он, конечно, был благодарным сыном, уважающим мнение старших, но браки по расчету, как он понял довольно рано, абсурдны и бессмысленны для мыслящего человека.

Настася прислуживала на ужине, и пан Пилсудский узнал ее:

– А не та ли это девчушка вашей служанки? – громко спросил он пана Маскевича и покоился на Настасю.

– Она самая, только служанка скончалась уж.

– Это прискорбно. Но как выросла малютка, похорошела, – также громко сказал он, глядя прямо в глаза подносящий блюдо ключнице, и лукаво улыбнулся, а потом закричал.

Настасье это не понравилось, она решила еще с первых минут, что этот пан – неприятный тип. Его залысина соседствовала с темными бакенбардами (скорее всего, крашенными), с которыми он не хотел расставаться в память об ушедшей молодости. Но главное, что отталкивало Настасю, так это маленький рот, на котором застыла слащавая улыбочка.

Ужин прошел, и мужчины захотели сыграть партеечку в карты, но жена Пилсудского Ангелика предложила помузицировать, ведь «Марта так прекрасно поет, вы обязательно должны послушать». В гостиной стояло маленькое премиленькое фортепиано, с черными клавишами вместо белых и белыми вместо черных, к которому давно уже никто не притрагивался. Поэтому понадобилось немного времени, чтобы настроить его. Над ним с двух сторон висели причудливого вида подсвечники, в которых сейчас горели низенькие свечки. Яна пытались научить игре на этом чудесном инструменте, даже учителя наняли, но, выучив нотную грамоту, он потерял всяческий интерес к фугам и прелюдиям. Спустя время он все же выучил пару мелодий сам.

И вот тогда зазвучала сначала низкая, но медленно поднимающаяся все выше, мелодия и Марта высоким голосом запела слова какой-то неизвестной народной то ли украинской, то ли польской песни. Она пела о счастливой любви, о гармонии – редкая тема для народных протяжных песен, – польские слова сменяли украинские, украинские – русские и наоборот.

– Где пани услышала эту песню? – спросил Ян, когда ей уже рукоплескали.

– От какой-то служанки, – махнув ручкой, ответила она и присела обратно на диван рядом с маменькой.

Услышав звуки фортепиано, служанки и наша ключница остановились чуть поодаль от двери. Настася, опомнившись раньше других от этой захватывающей мелодии, зашла в гостиную удостовериться, что гости ни в чем не нуждаются. Ян, увидев ее, вскочил и со светящимися глазами воскликнул:

– Настась, а давай споем ту, которую твоя мама нам пела так часто?

– Я... я...

– Идем, я сыграю.

Гости решили, что это традиционное местное развлечение, но чего от него ожидать, они не знали.

Русских слов в этой песне не было, она не была народной, хотя никто не мог уже сказать, кто был ее автором. Песня была диалогом между мужчиной и женщиной. Они говорили о том, почему же он должен покинуть ее и уйти воевать. Ян затянул густым тенором что-то о том, что «очень любит, но долг зовет», аккомпанировав себе двумя пальцами правой и тремя – левой руки.

Сначала голос Настаси дрожал, сама она перед публикой никогда не пела этой песни, и вместе они еще никогда ее не исполняли. Но, закрыв глаза, она вспомнила, как мама пела ее перед сном, пока она смирно сидела у нее на коленях, прижавшись к груди. Слова сами всплывали у нее в памяти строчка за строчкой, и она просто отдалась потоку. Когда затих последний аккорд, Настася открыла веки, и свет ударил ей в глаза так, что у нее закружилась голова. Она сгребла в кулак фартук от нахлынувших чувств. Аплодировали не так громко, как Марте. Она увидела натянутые улыбки женщин, сидящих напротив, и неприятную улыбку Пилсудского. Хорошо, что пан Маскевич не смущал ее настойчивым взглядом, он тоже не подозревал о способностях к пению маленькой ключницы, но был занят своими мыслями, уставившись в камин.

А Ян просто сиял и даже поцеловал руку ключнице, поблагодарив за дуэт. Он как-то услышал, как Настя пела, когда перебирала какую-то крупу, и с тех пор он мечтал спеть с ней.

Он не хотел ее смутить, он всего лишь ценил талант такого простого человека. Но Настася страшно смутилась и буквально выбежала из комнаты, где ее встретили служанки, весьма удивленные таким талантом, о чем свидетельствовали их открытые рты и поднятые брови. Настася зашагала дальше на кухню. Тем временем Марту попросили спеть еще что-нибудь.

– А я думала, вы не любите музыку, – бросила она, проходя мимо Яна, уже успевшего расположиться в одном из кресел.

– Так и есть, – весело ухмыльнулся он в ответ.

И Марта запела современный очень популярный в ту пору русский романс. Ян был все еще в хорошем настроении и пригласил БERTУ потанцевать с ним. Женщина заохала и стала кружиться по зале, под стать своему молодому сыну. Затем мужчины все же сели за карты, но Ян изрядно проигрывался уже с начала игры. Его мысли были заняты воспоминаниями о душевном исполнении любимой мелодии Настасей. И он не стал играть вторую партию, вышел на балкон и присел в качалку. Оставил панов в их разговорах о политике и хозяйстве. Рассматривая звезды и созвездия, такие яркие именно здесь, в Разумовке, и нигде больше, у него в голове возник вопрос «а вы верите в любовь?». Он не знал, кому хочет его задать, сам ответить на него он был пока не готов. Такое часто происходило, Ян списывал это на собственное юношество, сам считая такие вспышки ребяческой глупостью.

А где-то в доме уже убрали со столов. Служанки шуршали щетками на кухне. Только там Настася, немного успокоившись, почувствовала гордость. Подумала, что не хуже высокородных. Ей очень захотелось рассказать об этом подруге, но у нее было еще много дел в доме. А когда она их закончила, никаких сил на рассказы и не осталось. Она упала на свою кровать сразу после того, как помогла паньям раздеться. И крепко заснула, даже не помолвившись.

ГЛАВА IV

Пилсудские собирались гостить еще пару дней и на сегодня были запланированы обычные светские развлечения. Мужская часть к обеду готовилась уехать на охоту: для этого особой помощи служанок не требовалось, разве что обувь начистить да одежду подать, да и закусок каких завернуть. Ружья чистил и коней готовил сам конюх. Поэтому прислуга помогала женщинам с их туалетами.

Часам к одиннадцати женщины расположились на террасе под навесом маркизы на первом этаже, когда все приготовления к охоте уже заканчивались. Они пили чай со свежими булочками рядом с кряхтящим самоваром, и Марта вслух читала роман. И для дополнительной защиты от солнца попросили принести зонтики и шляпки.

Ян подъехал на своем вороном к самым перилам. Женщины отвлеклись от чтения. Юный охотник был одет в узкие светлые штаны и английскую куртку. Он только хотел попрощаться.

– Я надеюсь, вы ненадолго! – крикнула уже напоследок Берта. – Я обещала Марте, что ты покажешь ей окрестности!

– Добре, мамо! – крикнул он в ответ и пустил коня галопом.

– Ты же говорила, дорогая, что хочешь посмотреть наши места? – обращаясь теперь к Марте, спросила панья.

Марта кивнула и улыбнулась в ответ. Она казалась все такой же холодной, сложив руки на коленях и высоко подняв голову, когда Ян был рядом. Волосы всегда были убраны в замысловатую прическу. Быть сдержанной ей посоветовала мать, которая искренне считала, что представительнице высшего сословия не подобает быть кокетливой и ужимистой. Она думала, что именно поэтому пан Пилсудский в свое время выбрал ее, когда заметил на балу.

На самом деле, у ее отца были деньги и связи, таких называли магнатами, и пан решил убить двух зайцев: и повысить репутацию в обществе, став семьянином, и поправить материальное положение. Будущая его невеста хоть и не была первой красавицей, зато имела те благородные правильные черты лица, которые так воспевались большинством тогдашних поэтов. После родов Ангелика расплнела, как это часто бывает. Дочь очень напоминала мать в молодости, только волосы у нее были темно-русые, а не каштановые, и формы чуть более выразительные.

Паньи, следуя задумке мужей, решили прощупать почву и стали расспрашивать Марту о Яне, но она только уклончиво отвечала, не желая делать поспешных выводов, которые так любят окружающие. Для себя она еще в первый вечер решила, что этот черноволосый зеленоглазый красавец с крепкой челюстью, выраженными скулами и чуть горбатым носом явно ей по душе. Но показывать она этого, как полагается, не собиралась. Марта, начитавшись европейских романов, успешно впитала в себя присущее ее любимым героиням высокомерие и себялюбие. Отсюда ясно, как она вела себя со слугами: не обижала, нет, попросту не замечала их.

А Настя все бегала туда-сюда, то меняя заварник или сливочник, то поднося еще булочек. Она слышала все их разговоры, но была слишком занята, чтобы они успели вызвать у нее какие-то эмоции. Она хорошо относилась к хозяевам; как мать, она была им очень предана, и, к тому же, очень благодарна за многочисленные добродетели. В этом случае не было как в русских сказках, где Настась всегда обижали злые мачехи или хозяйки. Пановья Маскевичи были не злыми, хоть и особой нежностью не отличались как по отношению к прислуге, так и к друг другу.

Так получилось, потому что Берта рано вышла замуж, да и не по своей воле – по договору родителей – она была дочерью обедневшего шляхтича, который отличался строгостью в воспитании детей. Однако все считали, что ей очень повезло, ее ведь выбрал такой уважаемый и обеспеченный человек, и ничего, что он лет на двадцать старше ее. Но тогда молодая Берта

верила в любовь. Сейчас же, в свои сорок, она смирилась со своим положением, выросла в мыслях, по-своему полюбила пана, оттого что он был человеком воспитанным, никогда не грубил ей. Все это оставило на ее характере, и иногда она бывала придирчива, что отражалось и на прислуге.

Она выполняла все хозяйственные дела в усадьбе, пока пан разъезжал по делам и редко проводил дома больше двух-трех дней. А пану Берта понравилась с первого взгляда, она казалась такой горделивой и мудрой; и, может быть, если бы первое время Берта была поласковой, то он полюбил бы ее всей душой. Но этого не произошло. А сам проявлять ласку он не умел, разве что ни в чем не отказывал своей жене.

В первый год замужества они потеряли ребенка, молодое тело Берта оказалась еще неготовым к вынашиванию, беременность проходила тяжело, и на третьем месяце случился выкидыш. Пана тогда не было в Разумовке. По приезде он обо всем догадался, когда увидел не выходящую который день из своей спальни жену, поговорил с прислугой и доктором. Он сказал, что не все потеряно, и есть надежда на то, что Бог подарит им еще чадо. Но сами супруги не обсуждали ни этот печальный случай, ни будущие планы.

С тех пор каждый еще больше закрылся в себе, они мало разговаривали друг с другом, и даже долгожданное рождение сына не смогло упрочнить их духовную связь. Однако они никогда не ругались в своих малочисленных разговорах, темой которых был, в основном, их ребенок.

Им не очень нравилось, что маленький Ян так много времени проводит с дочкой ключницы. Они возлагали на него слишком большие надежды, видели его в высших кругах. Как могли, они занимали его другими делами, не оставляя времени на игру: приглашали в гости друзей с их детьми для компании сыну, и сами часто навещались к знакомым.

Не запрещали пановья Настасе учиться вместе с сыном, потому что пан убедил жену, что образования достоин каждый, а успокаивал он Берту и себя тем фактом, что во время научений дети не могли даже поговорить друг с другом, ведь были заняты делом. Но пановья сходились в одном: происхождение никуда не денешь, и дочка ключницы сыну шляхтича не пара. Поэтому они не хотели, чтобы дети слишком привязывались к друг другу. Отчасти, чтобы избежать этого, они отправили Яна в польскую гимназию, решив предварительно часто его посещать. Пановья боялись плохого влияния со стороны Настаси, но Ян, как оказалось, впитал в себя только хорошие духовные качества, присущие простым крестьянам: добродушие, искренность и любовь к природе.

К трем часам Ян, отец и пан Пилсудский вернулись с охоты. Им удалось наловить всякой дичи, поэтому они были разгорячены и находились в хорошем расположении духа. Дверь в гостиную резко отворилась, и они веселые зашли внутрь. Берта отложила книгу:

– День добрый, аккурат к обеду прибыли. Настася, распорядись чтоб несли горячее, – повела пальцем пани Берта.

Мужчины вошли с шумом в комнату, куда незадолго до их приезда успели переместиться дамы, и плюхнулись в удобные бархатные кресла, а затем наперебой принялись рассказывать о своих приключениях. Когда пробило четыре, все уселись за стол. Сегодня на обед был свекольник и фаршированный гусь. Обычно чета Маскевичей обедала скромнее, но гости, которые их посещали, были уж слишком для них значимы.

После обеда Ян почувствовал дикую усталость и захотел вздремнуть, он уже было хотел уходить из-за стола, но мать остановила его:

– Но ты ведь обещал показать Берте наши окрестности, не ночью же ты будешь по селу расхаживать.

– Да, совсем забыл. Я переоденусь и подожду вас в гостиной, – ответил он матери, а затем обратился к Марте и незамедлительно направился к двери.

Пока он ждал гостью, раздумывая, куда ее повести, чтобы Марта не заскучала, Ян понял, что совершенно не знает этой молчаливой девушки. За все время пребывания ее здесь они не обмолвились и десятью словами, не то что бы Марта была отвратительна ему, но Ян, привыкший к крестьянскому добродушию и открытости, мало тянулся к высокомерным родовитым красавицам и вовсе не любил завоевывать их внимания. Он надел свой синий жупан вместо красной куртки, в которой был на охоте. Спустя некоторое время дверь отворилась, и вошла Марта, а Ян так и не успел ничего придумать. Первое, что пришло ему в голову, это прогуляться вдоль берега ближайшей реки, где они в детстве они играли вместе с Настасьей. Им нужно было пройти через крайнюю сельскую улицу, чтобы добраться до мест, где открывались такие виды, которые, будучи даже в красивейшем Житомире, Ян видел во сне. И вот они вышли из дома:

– Помните, пани, то побережье, где мы с вами уже были еще детьми, – чувствуя необходимость начать диалог, сказал Маскевич-младший. И хотя его клонило в сон, а не к светским беседам, он как приличный молодой человек подал руку девушке и повернул к ней голову, дожидаясь ответа.

– Очень смутно, – спокойно ответила Марта. – Помню, что там паслись большие и страшные коровы. И вы с крестьянской девочкой дразнили их, за хвосты дергали, я боялась, что вы их рассердите и они нападут на нас. Папенька говорил, что коровы могут забодать.

– И он прав, – улыбнулся Ян так, чтобы не выдать своей иронии, – хорошие были времена. Вы ведь теперь не боитесь?

– Я с тех пор их близко не видела, но вы, пан, все равно меня защитите, так? – и Марта подняла на него свои темно-голубые глаза с выражением искренней просьбы.

– Не сомневайтесь, пани, – из приличия сказал он.

У него в голове мелькнула забавная картинка, как эта холеная паночка будет охать и подпрыгивать, убегая от «злых» коров в своих беленьких туфельках. Он даже поругал себя за такие жестокие мысли, но это зрелище его бы по-настоящему повеселило, да и Настасю тоже.

Некоторые знакомые крестьяне не боялись приветствовать пана, он отвечал тем же. Беленькие туфельки все же пострадали, сельская улочка была довольно запыленной. И Марта все сетовала на такое досадное для нее обстоятельство. Ян бы рад помочь, но как? На руках не понесешь, это неприлично, а бричку неоткуда было взять. Они поговорили еще на какие-то незначительные темы: про гимназию и домашнее обучение Марты, про латынь и литературу.

Уже на берегу Марта пожаловалась на усталость и не захотела идти дальше вдоль берега. Она предпочла пособирать полевые цветы, а Ян в это время устроился поудобнее возле крутого спуска к реке. Ни души не было кругом, только птицы щебетали в высокой траве и гоготание гусей доносилось с другого берега. Он давно просто так не гулял по родным местам. Когда он уезжал ему не было тоскливо, маленький Ян предвкушал свободу, знакомство с новыми друзьями и новыми знаниями. Его очень увлекали естественные науки. Первый раз он почувствовал тоску по родине почти сразу, как приехал в гимназию, но отец советовал ему не плакать, даже если очень грустно. Подарил сыну свои четки и сказал: «Когда будет грустно, помолись, как тебя духовник учил». А мать со слезами на глазах отдала ему в подарок новенький платочек с его инициалами, вышитыми ей самой, и поцеловала в лоб.

Конечно, они еще пару сундуков загрузили в экипаж сына, но маленькие подарки хранятся и ценятся людьми больше всего, как символы, как идолы. Настася стояла позади родителей, восторг предвкушения нового передался и ей, и она не плакала. Ей нечего было подарить своему другу, и она сорвала ромашку и положила в его настольную Библию накануне. Он заметил это только на следующий вечер в гимназии и схватил четки, чтобы скорее помолиться, а не разрыдаться.

Ромашка Насти оказалась перед глазами, но через мгновение он понял, что это Марта стоит перед ним с ромашкой в руках.

– Не думаете, что маргаритки лучше? Вы видели маргаритки? – спросила она.

– Да, наверно, почему вы так считаете? – Ян поднялся, подал руку и направил шаг в сторону усадьбы.

– Но они больше, значительней и более разнообразные. Бывают разных цветов, а ромашки такие простые, слишком простые.

У него возникла мысль задать ей вопрос, который возник у него накануне: «Верите ли вы в любовь?» Но, посмотрев в ее глаза, в которых хотел увидеть что-то важное, Ян передумал.

– Давайте помогу вам донести букет, – вместо этого предложил он.

Естественно, он считал иначе (кто вообще любит маргаритки), но спорить у него не было желания. К тому же, девушки совсем не умели спорить, у них получалось только обижаться, надувая губки. Со своим другом Олешей они часто спорили в гимназии. Спорили обо всем, спорили на сладости, а потом – на деньги. Но спорили по-научному, аргументированно и обосновывая точку зрения. Научились проигрывать достойно и уважать мнение другого... почти всегда. По Олеше, кстати говоря, Ян очень скучал. И главы не хватит, чтобы описать, через сколько всего им пришлось пройти за время учебы: каждое приключение и проказничество, которые привели к крепкой дружбе.

Уже вечерело, начинало холодать, мужичок возвращался с поля на своей белой лошадке, вся его одежда была в заплатах. Он не обратил внимания на пару молодых людей: наверно, слишком устал. И они отдалялись друг от друга. Только Марта из всех чувствовала какое-то удовлетворение от послеобеденного времяпрепровождения. Чем дальше отходили Ян с Мартой от реки, тем глубже солнце пряталось за рошей.

– Милая, да ты с ног до головы в пыли, – заметила пани Пилсудская, когда пара вошла в гостиную, вернувшись домой. – Тебе надо бы сменить наряд.

– Где же ты водил бедную пани Марту, Ян, – возмутилась и Берта. – Настася! Помоги гостье переодеться!

ГЛАВА V

Пока Ян совершал прогулку с Мартой, их отцы, сидя в кабинете, обсуждали интересные их дела, ради которых, возможно, только и была затеяна эта поездка. Окруженные шкафами из темного дерева, которые были сплошь заполнены книгами, паны попивали настойку, закусывая холодным печёным мясом.

– Мы давно знаем друг друга, не правда ли? – начал пан Пилсудский и закурил свою трубку.

– То так, – отозвался Маскевич-старший, протягивая руку к стакану с настойкой.

– Тогда, мой друг, расскажи мне, что за судьбу ты приготовил для своего хлопца?

– Сейчас он еще очень молод, ему нужно найти дело по душе. А после моей смерти ему достанется это имение. Это все, что я могу сейчас сказать, – пан Маскевич встал и стал расхаживать по комнате: от бюро, покрытого зеленым сукном, до высокой резной двери.

– А что с женьбой? Когда думаешь его образумить?

– Я никогда не выбирал что-либо за него. Мне нравится твоя дочурка, я был бы очень рад, если б он попал в такие симпатичные руки, – пошутил пан. – Я прежде с ним поговорю. Расспрошу его обо всем, знаю, что он собирался возвращаться в город, но что и зачем, не знаю.

– Ладно, давай выпьем за детей наших. При любом исходе, чтоб они были счастливы, – и гость, ударив край своей рюмки о графин, опрокинул ее быстрым движением. – Ах, хорошая настойка.

– Да-а, старая ключница еще делала.

– Теперь разреши тебя оставить, хочу еще вдоволь наболтаться с твоей женошкой перед отъездом, может она скажет мне что-то более путное. Успокоит старика, – ухмыляясь, сказал Пилсудский, поднялся и поставил рюмку на столик, рядом с бутылкой.

– Так изволь, коли не шутишь, – рассмеялся его собеседник, отворив ему дверь.

– Дженькую¹³.

Гость выскользнул из кабинета и направился по небольшому занавешанному портьерами коридору, который вел из кабинета в гостиную. А пан Маскевич заперся в кабинете, открыл первую попавшуюся в руки книгу, перед этим устроившись поудобней в кожаном кресле, и стал мечтать о будущем единственного сына.

В коридоре было еще несколько дверей, одна из которых вела на кухню и лестница, ведущая на второй этаж. Откуда как раз спускалась Настася, услышав зов Берты. Пан Пилсудский обрадовался такой встрече. И, когда они поравнялись, остановившись, он поприветствовал ее, кивнув и заложив руки за спину. Настася тоже поприветствовала его, но не успела поклониться, как он уже возмутился:

– А что ты мне не кланяешься, миленькая? Аль не уважаешь меня?

– Что вы? Уважаю, конечно, не сомневайтесь, – растерянно произнесла она.

– Так значит нравлюсь я тебе? – шагая к ней навстречу, захотел уточнить он.

Настася попятилась назад, не зная, что ответить.

– Пан, я право...

– Ну не увиливай, скажи, служаночка, ты же меня не боишься? – продолжая наступать, настаивал пан и начал уже тянуть руки к ее талии.

Похмельный и сигаретный запах уже стал ощущаться и еще больше тревожил и без того недоумевающую девушку. Он прижал ее к стене, постоянно кряхтя.

---

¹³ Спасибо (польск.)

Но вдруг дверь из гостиной отворилась, это Ян вернулся с прогулки и хотел направиться в свою комнату, чтобы отдохнуть. Увидев эту картину, он нахмурился, жилка запульсировала у него на виске. Он твердо и быстро зашагал вперед:

– Не распускайте руки, пан, – резко обратился Ян к Пилсудскому, когда тот уже успел отойти от напуганной Настаси.

Маскевич убрал руки за спину, чтобы сдержаться. Панство ведь не устраивает драк, их учат дипломатии.

– Да что ты, дорогой, я ни-ни. Это ж пустяки, шалости, – лукаво и кисло улыбаясь и ничуть не смущаясь, ответил Пилсудский и направился в сторону гостиной.

Он подумал, что Ян имеет связь со служанкой и решил уступить такую мелочь, добавив вслед:

– Вот как, – и быстро начал хватать воздух, глупо посмеиваясь.

– Оставьте, – презрительно возразил молодой пан громким хриплым голосом, он был в секунде от того, чтобы вызвать старого развратника на дуэль.

А тот почувствовал напряжение этого момента и поспешил скрыться за дверью. Проскальзывая в дверь, он усмехнулся: «Кто стреляется из-за служанки, это смешно!»

Ян был еще взбешен и, не поднимая глаз, приказал Настасье принести таз с водой на задний двор, чтобы он умылся. Настася была поражена, ей казалось, что Ян злится на нее. Он сам вышел на улицу, не дожидаясь Настаси, снял картуз, расстегнул рубашку, сел и уставился на голубя, полоскавшегося в лужице. Разозлился ли он на пана, потому что не ожидал, что тот окажется старым развратником? Или потому что Настася оказалась под угрозой? Он представил на ее месте другую служанку и понял, что тогда бы он просто сконфузился и прошел бы мимо, просто извинившись. Панская кровь давала право ему ставить себя выше прислуги, так он и пытался делать. Да и он слышал столько историй от друзей-гимназистов об отношениях с горничными, что у него выработалось полное безразличие к подобного рода связям в отношении других. Сам он и не задумывался о мелких интрижках. И о Настасе Ян не мог такого помыслить, он ведь знал ее с детства. Здесь все было иначе.

Настася вынесла железный таз, большой кувшин с водой и полотенце. Теперь она выглядела растерянно:

– Спасибо, Ян, – решила вымолвить она, пока лила воду из кувшина ему на руки.

– Забудь об этом, обходи его стороной, – резко ответил тот и ударил ладонями, наполненными прозрачной водой, себе по лицу и шее.

Капли разлетелись, намочив ворот и закатанные рукава его рубашки, спустившись по локтям. И ей, и ему неприятно было вспоминать произошедшее, и оба не могли найти новую тему для разговора. Раньше Настя слышала о приставаниях других панов к своим служанкам, но до конца не верила в это и считала их наполовину слухами. Её очень огорчила, открывшаяся ей истина. Ключнице было сложно прийти в себя, она не могла ответить себе на вопрос: зачем им служанки, когда у них такие прекрасные жены?

– Но я не понимаю... – хотела возразить она, но ее голос задрожал.

Тут к ним вышла Берта:

– Я ведь звала тебя, ты что не слышала? – сказала она, но потом заметила набухшие покрасневшие глаза Настаси. – Что случилось? Ян, что произошло?

Настя опустила глаза и продолжила лить воду.

– Все хорошо, извини, мамо, я попросил ее помочь мне умыться. Позови другую помочь Марте, извини.

– Хорошо, хорошо.

И она поспешила обратно внутрь, чтобы не заставляла гостью ждать. Но она насторожилась и решила выпытать подробности этой сцены позже. Именно слезы и смех других чаще всего вызывают живой интерес, особенно у женщин.

– Настась, я не знаю зачем. Тебе не нужно об этом думать. Ты только должна знать, что ни в чем не виновата, – продолжил он, когда Берта скрылась за дверью.

Но его слова не помогли, не утешили, Насте стало наоборот еще обидней, и она уронила кувшин на землю и закрыла лицо руками, окончательно разрыдавшись. Ян вздрогнул, не зная, что ему сделать. Даже голубь, возившийся в луже, упорхнул. Пан стоял пару секунд и не нашел ничего лучше, чем обнять бедную девочку, когда она уже сделала пару поспешных шагов, чтобы уйти в сад.

Оказавшись в объятиях, Настася почувствовала себя в полнейшей безопасности, ей было тепло и уютно. Она глубоко всхлипнула в этот момент, и все слезы ушли, страх и обида ушли, но теперь волна смущения одолела ее. Она отодвинулась руками, упершись ему в грудь ладонями, посмотрела испуганно прямо в глаза Яну, потом нахмурилась, резко развернулась и все-таки убежала в сад быстро и бесшумно.

Ян так и остался стоять, ожидая некоторое время, что она успокоится и вернется через пару минут, но ее не было. Только белая кошка вышла ему на встречу и начала тереться об ноги, он взял ее на руки, сел на лавку и стал гладить. Он тоже чувствовал смущение, но в тот момент необходимо было сделать то, что он сделал. Ян не боялся, что Настася могла бы его неправильно понять, он был уверен, что она почти читает его мысли. В детстве он даже пугался того, как она ловко договаривала за ним фразу. Хотя и нынешней ситуации все казалось более запутанным. Еще час он просидел вот так, слушая урчание спящей на его коленях кошечки. А потом ушел, истосковавшись.

К вечеру гости распорядились укладывать вещи, чтоб выехать с рассветом, чем раздосадовали хозяев и обрадовали измученную прислугу.

Под утро состоялись прощания, почти повторявшие картину приезда гостей, только все были сонными и понурыми. Ян даже не вышел их провожать. Настаси тоже не было. А Ангелика, прощаясь с Бертой, сказала: «Надеюсь, еще увидимся в скором времени». Берта улыбнулась ей в ответ, намекая, что все поняла. А пан Пилсудский посоветовал другу беречь сына от всяких забав. Смысл этого пан Маскевич не уловил, он просто решил, что это не более, чем жест вежливости, проявление внимания; в ответ пожелал успехов во всем его дочери Марте.

Алый закат пылал на горизонте, а на фоне него экипаж, запряженный бодрыми лошадьми, вез семейство Пилсудских обратно домой по темно-серой дороге, окруженной густым лесом с одной стороны и чистым полем – с другой.

Перед отъездом гостей, когда в имении Маскевичей уже настало время готовиться ко сну, Ян вовсе не хотел спать, потому что множество всяких мыслей лезли в голову и не давали ему покоя, но во всем этом разбираться ему тоже не хотелось. Все они, эти мысли и планы, заводили бедного парня в тупик. Поэтому решение оставалось одно. И он пошел к конюху, у которого всегда находилось пятьдесят граммов «для своих». Он вышел из дома и уставился в окна на втором этаже, где еще горела свечка. «Э-эх», – крикнул он и, танцующе повернувшись, направился в конюшню, устало улыбаясь самому себе.

Настася уснула с зажженной свечкой, потому что не успела погасить ее, она была измучена эмоциями, выжата, как лимон. Ей даже ничего не снилось, она только чувствовала, как невероятно мягка ее подушка и воздушно ее старенькое покрывало. Она снова почувствовала себя в безопасности, как тогда, в объятиях, и тут же погрузилась в сон.

ГЛАВА VI

Прошло несколько дней. Начало июня радовало солнечными, но не слишком засушливыми днями. Это были самые лучшие дни в году на Украине. На следующей неделе сельчане по своим народным приметам уже ожидали похолодания, но сейчас все наслаждались пестреющим пейзажем, приятными запахами цветений, переносящихся от двора ко двору легким летним ветерком. Все шло своим чередом: пан разъезжал по советам, в редкие дни ему удавалось посидеть в домашнем халате с газетой перед камином; Берта следила за прислугой, тем самым выполняя домашнюю работу и заботясь о хозяйстве. Ян и Настася не разваривали с тех пор, как уехали Пилсудские, и, вообще всячески избегали друг друга, потому что понятия не имели, как себя вести при встрече. Первый все праздновал, перебирая одно светское и не очень увлечение за другим, а вторая работала не покладая рук, помогала в саду и в поле.

Но одно радостное событие нарушило этот обычный распорядок. Ада сообщила ей, что Андрий уже сосватался и послезавтра они сыграют весилье¹⁴. Ада пришла звать Настасью на празднование, на что подруга, естественно, согласилась. «Как раз на червень¹⁵! – захлопав в ладоши, выкликнула Настя. – Как это вы подгадали!» В подробностях невеста рассказала, как проходило сватовство, как спелись ее родители с его родней. Сегодня была уже пятница, женщины со стороны жениха и невесты пекли каравай для свадебного стола. А завтра после обеда должны были вить вильце¹⁶, где нужны были подруги невесты. На предстоящую свадьбу надо было принарядиться, и Настася открыла нижний ящик комода, где лежали платье и ожерелье, которые достались ей от матери. Сначала она вытащила скромное ожерелье, простой шнурок с плотно нанизанными голубыми шариками, и положила его на подушку. А затем потянулась за платьем. Оно было синим, из легкого плотного ситца с мережкой на подоле. К платью шла корсетка, тоже синяя, но чуть темнее, украшенная бисером. Весь наряд прекрасно подчеркивал стройность девушки. Хорошо, что платье было длинным и закрывало ее старые поношенные черевички.

Она аккуратно положила их на комод, решила на витье вильца надеть только свой пестрый платок, а этот наряд приберечь для застолья и венчания. И побежала отпрашиваться у Берты на завтрашний день.

В трепете и воодушевлении провела Настася следующее утро, пока не настало наконец время бежать к избе Андрия. Она схватила свой разноцветный платок и упорхнула. Изба жениха была на краю села, когда Настася примчалась туда, у калитки уже стояли остальные подружки: Наташка, Климина и Марына. Все ждали невесту. Пока ждали, разболтались. Даже Аполлинарий подошел поздороваться, когда Настася пришла.

Настя ему давно нравилась, но им редко удавалось видеться. Поэтому сказать что-то кроме как «здоров, Настась» он не смог, он почесал затылок, чтобы хоть что-нибудь еще придумать, но Настася уже увлеклась разговором с подружками. Тогда дружка пошел обратно, где жених уже стоял у входа с маленькой елью в руках, которую только что срубил во дворе. Дружкой жениха был Аполлинарий Ясинский, лучший друг Андрия, который был и на его дне рождения и танцевал со всеми.

Они были ровесниками Яна и давно уже работали: Андрий – в кузнецкой, а Аполлинарий – в поле. Отец Аполлинария был земледельцем. Оба друга не были похожи даже внешне: Андрей был высок и черняв, а Полюш – низенький и белокурый. Что говорить о характерах, но друзьями ни были хорошими, преданными.

¹⁴ свадьбу (укр.)

¹⁵ четверг (польск.)

¹⁶ свадебная традиция

Наконец пришла невеста, не торопясь, она шагала к калитке в светлом сарафане, но еще не свадебном, ветер развивал ленты на ее венце. И подружки запели, отворяя калитку и пропуская невесту вперед. Все зашли в избу жениха под пение подружек и поставили ель на стол, прям в «великий хлеб». И невеста села с дружками за стол, чтобы начать вить вильце. Теперь это деревце – символ молодости и красоты молодых, оно тоже будет частью свадебного украшения. Жених с дружкой выпили в это время по чарочке горилки с медом и тоже подпевали подружкам. Потом Андрей с Аполлинарием ушли, чтобы договориться с ксёндзом о завтрашнем венчании, а девушки пошли в избу к невесте и остались на девичник: заплетали друг другу косы, мылись в баньке и давали советы будущей невесте.

– Я так рада за тебя, – сказала Настася Аде у калитки, широко улыбнулась и пожала ее ладони.

– Дай бог, и за тебя скоро так порадуюсь, – подмигнула ей Ада и весело рассмеялась.

Настася смутилась, даже покраснела.

Настася обещала Берте прийти к вечеру, чтобы проверить заперты ли все двери, ведущие в кладовки и погреба, поэтому не осталась на девичнике долго, но на следующий день клялась прибежать рано-прерано и помочь во всем. Ада скрепя сердце отпустила ее.

Настася столкнулась на крыльце имения с Яном, уже когда солнце зашло за горизонт, и луна вступила в свои права. Ян был небрит, в нижней рубашке и собирался куда-то уходить. Он стоял одной ногой на земле, а другой на ступеньке, когда увидел приближающуюся Настасю. Она выглядела свежей и еще более юной, ее коса растрепалась.

– Пан, – сказала она, подходя, и поклонилась, как делала всегда перед паном Маскевичем, или перед Яном, но в присутствии родителей.

– Прекрати, – он тут же прервал ее.

– С тобой все хорошо? – Настася подняла глаза.

– В порядке, – а Ян, наоборот, опустил.

– Еще не собираешься спать? Уже поздно, – волнуясь, произнесла она, будто чувствуя, что нужно продолжить разговор. Они уже давно не разговаривали.

– Настась, ты меня прости, я не хотел тебя обидеть и ничего плохого не хотел. Я, по правде говоря, девушек не успокаивал никогда, – произнес он ровным и тихим голосом, все еще глядя вниз, на землю.

– Я и не думала о тебе плохо. Просто этот мерзкий тип, я тогда шибко испугалась, вот и вела себя, как ужаленная. Так что ты меня прости, – она села на ступеньку, ожидая продолжения душевного разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.